

летняя история национального государства, переросшего в империю, основывается на непоколебимом фундаменте объединённых в систему достоверных фактов.

Андрей Беляков: «Восточный след» в Государеве дворе первой половины XVII в.

Andrey Belyakov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): «Eastern trace» in the Sovereign's court of the first half of the 17th century

DOI: 10.31857/S086956870010781-0

Новое исследование А.П. Павлова продолжает его более раннюю работу о Государевом дворе конца XVI в., при этом разительно от неё отличаясь. Значительно больший объём сохранившихся архивных источников, увеличенный хронологический охват, рост числа лиц, подпадающих под определение членов Государева двора, — всё это заставило автора сузить рамки исследования высшей стратой правящей элиты — думными и комнатными людьми. И даже при таком ограничении перед читателем предстало исследование объёмом в 1 400 страниц. Павлов построил свой труд как просопографическое исследование, что поставило его перед необходимостью рассматривать не отдельные исторические личности, а дворянские роды в целом, ведь именно род был главным аргументом в местнических случаях и делах, связанных с вотчинным землевладением. Перед читателем предстаёт сложная картина борьбы за влияние у трона отдельных семей и группировок; эти события разворачиваются на фоне избрания на царство Михаила Романова, восстановления и постепенной эволюции системы управления Московского государства, борьбы с последствиями Смуты во всех её проявлениях.

Особую ценность, по моему мнению, представляют разделы, посвящённые генеалогии отдельных родов, где рассматриваются не только нисходящие мужские линии, но также многочисленные связи через свойство, возникавшие благодаря бракам. В результате становится более понятной логика заключения тех или иных брачных союзов, а также формирование отдельных придворных группировок, борющихся за власть. Отличительная черта исследования Павлова — внимание к представителям придворной элиты восточного происхождения, демонстрация способов её инкорпорации в ряды старомосковской знати. Затронуты судьбы представителей семей князей Черкасских, Юсуповых, Кутумовых, Шейдяковых, Урусовых, Тюменских, Смайлевых, Сулешевых. Поражает объём проделанной Павловым работы: все последующие исследователи должны учитывать обработанный в монографии материал и сделанные на его основании выводы. Разумеется, полученная картина по ряду причин не может быть всеобъемлющей — остаются отдельные «боковые» сюжеты, неизвестные автору. Укажу на некоторые из них, оговорив, однако, что многие дополнения стали возможны только после прочтения монографии.

Исследователь уделяет большое внимание процессу избрания на царство Михаила Романова и сбору подписей под «Утвержденной грамотой». Он, в частности, детально анализирует процесс подписания итогового документа (Т. 1. С. 51—136). При этом факты наличия/отсутствия среди подписантов представителей тюркской служилой знати не нашли объяснения. А ведь это очень важный вопрос для понимания того, как выстраивалась этническая политика Русского государства. На «Утвержденной грамоте» имеются четыре подписи на татарском языке, принадлежавшие мещерским служилым мирзам

из Кадомского, Темниковского и Арзамасского уездов⁹, но отсутствуют рукоприкладства романовских и ярославских татар, служилых татарских царей и царевичей (как принявших православие, так и оставшихся в исламе), недавних знатных выходцев с Востока. А ведь незадолго до того на грамоте, посланной из Ярославля от имени Второго ополчения в Новгород к Я. Делгарди, подпись сибирского царевича, впоследствии касимовского царя Арслана бин Али бин Кучума, стояла первой¹⁰. Объяснение этому может быть следующим. Полноценным подданным, могущим участвовать в выборе государя, считался только православный человек. Поэтому мы видим на документах подписи принявших православие князей Черкасских, Сулешевых и даже некоего Ивана Селунского (Селонского). В 1613 г. исключение сделали только для служилых татар Восточной Мещеры, на тот момент подчинявшихся Москве уже более полутора веков. Даже касимовские татары признавались слишком недавними выходцами. А вот Чингисиды, похоже, даже в случае крещения воспринимались как некий автономный элемент в составе элит Русского государства. Это по статусу ставило их выше любого боярина, но и приводило к умалению некоторых прав, в том числе права участвовать в приёме важнейших общегосударственных решений.

Дополню приведённые в монографии сведения о браках отдельных лиц. Павлов упоминает имя супруги кн. Ивана Никитича Меньшого-Одоевского Ксении Борисовны и справедливо указывает, что её мужем в первом браке был знатный ногайский выходец кн. Пётр Тутавич Шейдяков (Т. 1. С. 328—329; Т. 2. С. 20). Отмечу, что Ксения Борисовна — вторая супруга Петра Тутавича (первую звали Ириной, происхождение её неизвестно)¹¹. В 1612 г. в Троице-Сергиевом монастыре похоронили княгиню-инокиню Ольгу Шейдякову¹². Могила находилась рядом с захоронениями князей Одоевских. Уместно предположить, что Ольга Шейдякова была дочерью Петра Шейдякова и падчерицей Ивана Никитича Меньшого-Одоевского (впрочем, непонятно, почему тогда она названа княгиней, а не княжной). Павлов приводит свидетельство, позволяющее предположить, что кн. И.Н. Одоевский через брак своей дочери имел связь с ещё одним крещёным ногайским князем — Петром Кан-мирзиным Урусовым. Поместье кн. Одоевского в Горетове стане Московского уезда отошло кн. Петру. Возможно, это было приданное его супруги, княгини Марии¹³. У этого предположения есть дополнительное косвенное обоснование. В первой половине XVII в. отчётливо прослеживается желание московских властей подбирать жён для новокрещёных ногайских князей из семей с «восточными» корнями по мужской или женской линии. В работе Павлова приводится множество подобных примеров.

Другой тенденцией в брачной политике московских властей по отношению к нововыезжей крещёной татарской знати являлся подбор жён из родственниц и свойственников московского государя. Павлов сообщает, что Степан Яковлевич Милюков приходился двоюродным племянником(?) старице Марфе Ивановне (Т. 1. С. 213). Это даёт дополнительную зацепку для поисков родственников

⁹ Акчурина М.М. Татарские подписи в утвержденной грамоте 1613 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3(69). С. 5—6.

¹⁰ Подвиг нижегородского ополчения. Т. I. Н. Новгород, 2011. С. 284.

¹¹ Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. II. Ч. 2. М., 1982. С. 329.

¹² Список погребённых в Троицкой Сергиевой Лавре от основания оной до 1880 года. Н. Новгород, 2012. С. 34.

¹³ РГАДА, ф. 131, оп. 1, д. 7 (1641 г.), л. 7.

супруги московского дворянина кн. Дмитрия Сатыевича Шейдякова, известного при дворе в 1653/54—1664/65 гг.¹⁴ На службу он выехал в 1648/49 г. и тогда же сговорился жениться на дочери вдовы Марии Ивановой жены Милюкова¹⁵. Похоже, свойство с Романовыми повышало престиж девиц из данного рода. В монографии указано также, что кн. Василий Петрович Ахамашуков-Черкасский женился на дочери Ивана Васильевича Милокова и Авдотьи Тимофеевны (урождённой Безобразовой). Сестра кн. В.П. Черкасского Татьяна (в иночестве Таисия) была замужем за кн. Борисом Канаевичем Урусовым, а дочь Анна — за кн. Левонтием Салтанашевичем Шейдяковым (Т. 1. С. 547). Но чтобы утверждать, что ещё одна дочь Ивана Васильевича стала княгиней Шейдяковой, нужны дополнительные данные.

Шейдяковы ещё раз породнились с Ахамашуковыми-Черкасскими. Кн. Фёдор Артемьевич Шейдяков (сын Артемия (Кул-Мухаммед, Клеш) Теникеева) состоял в браке с дочерью кн. Ивана и кнг. Марии Петровны Бабичевых. Их дети приходились родными племянниками кн. Василию Петровичу Ахамашукову-Черкасскому¹⁶. В таком случае Мария была дочерью кн. Петра Ивановича Ахамашукова-Черкасского. Следует указать на ещё один интересный факт. После крещения отца кн. Фёдора, Артемия Шейдякова, ему пришлось выбирать между двумя своими прежними жёнами. Он сохранил брак с матерью своих детей, Алёною (Алтын-беке)¹⁷. Вторая его супруга Феодора (Азикея) Шабанаева после развода вышла замуж за Петра [Васильевича?] Волынского¹⁸.

Приведённые примеры показывают, что в заключении браков со знатными ногайскими выходцами имелась определённая система или даже специализация. При этом известные нам источники не могут ответить на важный вопрос: устраивались ли подобные браки в Кремле, или это была личная инициатива отдельных семейств? На первое указывает тот факт, что вчерашние ногайские мирзы не могли похвастаться прочным материальным положением в России. Как правило, они получали содержание в виде подённого корма, поместьями и вотчинами обзаводились далеко не все, и зачастую это было приданое их жён. К тому же подобные союзы возникали практически сразу после выезда и крещения ногайских мирз. Мы вправе задать вопрос: а всегда ли могли молодожёны изъясняться между собой без чьего-либо посредничества? Можно предположить, что для таких браков специально выбирались семьи, в которых знали тюркские языки. Похоже, что подобные браки для русской (православной) знати являлись желанными. Попадавшие в Россию ногайские мирзы приходились внуками и правнуками правителям Ногайской Орды, были наследниками природных государей. В этом плане в России особо выделялись потомки бия Сейдяка (Сеид-Ахмеда) бин Мусы. Шестеро сыновей Мусы бин Ваккаса в разное время были биями. В России потомки Сеид-Ахмеда пользовались особым уважением. В XVII в. те из них, что сохранили верность исламу, имели почти «монопольное» право на браки с дочерьми и вдовами служилых татарских царевичей.

¹⁴ Боярская книга 1658 г. М., 2004. С. 149, 191; Белоусов М.Р. Боярские списки 1645—1667 гг. как исторический источник. Т. 1. Казань, 2008. С. 312.

¹⁵ РГАДА, ф. 131, оп. 1, д. 4 (1649 г.).

¹⁶ Горбатов Е.Н. Отпускные челобитные служилых людей 1626—1629 годов // Очерки феодальной России. Вып. 17. М.; СПб., 2013. С. 256, 266, 289, 332, 373.

¹⁷ РГАДА, ф. 131, оп. 1, д. 22 (1628 г.), л. 4.

¹⁸ Там же, д. 7 (1624 г.).

Важно наблюдение автора о том, что кн. Юрий Яншеевич Сулешев называл кн. Ивана (Бий) Корел мирзина сына Юсупова (Исупова) своим внуком (Т. 2. С. 231). Романовский служилый мирза Эль (Иль) бин Исуп имел несколько жён. Одна из них — родная сестра шибанского царевича, впоследствии сибирского хана, Кучума¹⁹. Когда Эль в 1560-х гг. вынужденно выехал из ногайских степей в Московское царство, эта его супруга с сыном Чином оказалась в Сибири. В 1595 г. Чин добровольно выехал в Тару и вскоре был отправлен в Москву, причём документы упоминают жену и детей мирзы²⁰. Дальнейших сведений о них нет. Видимо, в России племянника Кучума женили на сестре знатных крымских выходцев Юрия и Василия (Маметша, Мухаммед-Ишан) Яншеевичей Сулешевых. В этом браке, похоже, родился сын Корел. В таком случае Иван Корелович действительно приходился кн. Ю.Я. Сулешеву внучатым племянником.

А.П. Павлов отметил опалу, постигшую князя Петра Кановича Урусова в 1628 г. (Т. 2. С. 229). Установлено, что причиной этих невзгод стал его племянник — кн. Василий Урмаметев. Зорбек бин Арслан бин Ураз-Мухаммед прибыл из Астрахани 4 января 1623 г.²¹ В том же году он крестился и стал стольником кн. Василием. Его женили на Авдотье, родной сестре московского дворянина Дмитрия Осипова сына Симанского. Её родная сестра была замужем за московским дворянином Афанасием Нехорошевым сыном Аничковым. Семейная жизнь князя не сложилась. Шурин жаловался: «А жильё де домашнее у него нестройное: сам ворует, пьёт и у людей своих жон и детей, девок, емлет на постелю, и животы все проворовал и пропилил». Это подтверждает и опись имущества князя. Он позволял себе постоянные отъезды из Москвы без официального разрешения, вёл затяжную тяжбу с думным дьяком Ф.Ф. Лихачёвым. Дядя князя, Пётр Кан мирзин Урусов, ручался по племяннику в этом деле в 120 руб. и дважды (?) выплатил эту сумму дьяку²². Следственное дело рисует следующую картину. Кн. Василий жаловался, что ему нет жизни, недруги разорили его поместья, и он хочет бежать, но куда — не знает²³. Такие разговоры продолжались около двух лет. Его дядя по матери князь Пётр Кан мирзин сын Урусов безуспешно пытался его урезонить, донести же на племянника не хотел, боясь ослабиться среди служилых иноземцев как «доводчик». В конечном итоге Василий под страхом смерти выбил согласие некоторых своих людей бежать с ним на Дон, и дворовые люди донесли на него. Определённую роль сыграли и постоянные домогательства Василия Урмаметева к жёнам своих людей. Разбирательство поручили главам Стрелецкого и Посольского приказов боярину кн. И.Б. Черкасскому и думному дьяку Е.Г. Телепнёву. В дело помимо людей кн. Василия оказались замешаны его родственники Пётр Кан мирзин и Андрей Сатый мирзин Урусовы, а также люди жены мирзы Урака Тинмаметева — княгини Авдотьи. Вначале князь запирался, однако на очной ставке стал говорить. 22 июля князей Василия и Петра, а также их людей

¹⁹ Маслюженко Д.Н., Рябина Е.А. Брачная политика правителей Тюменского и Сибирского ханств // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 106; Тюменское и Сибирское ханства. Казань, 2018. С. 400.

²⁰ РГАДА, ф. 131, оп. 1, д. 1 (1596 г.); Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М., 2005. С. 291, 361.

²¹ РГАДА, ф. 131, оп. 1, д. 6 (1625 г.), л. 12.

²² Там же, ф. 127, оп. 1, д. 3 (1628 г.), л. 23, 32, 76—79.

²³ Там же, л. 56.

и людей Авдотьи Тинмаметовой приказали пытать, поместья и движимое имущество князей конфисковали, а самих изменников отправили в ссылку.

Имеются в работе и отдельные неточности. Так, по мнению А.П. Павлова, кн. Семён Андреевич Урусов крестился незадолго до пожалования в стольники (25 декабря 1633 г.) (Т. 1. С. 585). Однако кн. Семён родился православным от брака своего отца, Андрея Сатаевича (Сатыевича) с княжной Марией Васильевной Тюменской. Исследователь пишет о близости семьи Ляпуновых к боярам Шереметевым (Т. 1. С. 540). Это не совсем так. Данная близость возникла только благодаря женитьбе астраханского царевича Михаила Тайбулина (Кутлуг-Гирей бин Арслан-Али бин Абдула) на Марии Григорьевне Ляпуновой. Дело в том, что дядя царевича, также Михаил Кайбулин (Муртаза-Али бин Абдула) женился на дочери Ивана Большого Васильевича Шереметева. Её сестра Марья была замужем за кн. Василием Агишевичем Тюменским; их двоюродная сестра Елена, дочь Ивана Меньшого Васильевича Шереметева, стала женой сына Ивана Грозного, царевича Ивана Ивановича²⁴.

В монографии без ссылки на источник информации указано, что ногайское имя кн. Ивана Араслановича Урусова было Янсох (Т. 2. С. 228). Это не соответствует ногайским родословным росписям, где он указан как Тук²⁵. Зная, что точность и скрупулёзность являются отличительными чертами Павлова как исследователя, в данном случае нельзя заподозрить техническую ошибку, поэтому важно установить источник, содержащий альтернативные сведения. Отмечу также, что некорректно делать выводы о поместных и денежных окладах выходцев с Востока на единичных примерах (Т. 1. С. 585—586). Они становятся репрезентативными, когда мы можем сравнивать оклады, существовавшие синхронно, или же имеем возможность сравнивать оклады представителей разных поколений (помня, что оклады детей всегда уступали окладам родителей, по крайней мере, в начале их служебной карьеры).

Подводя итоги, отмечу, что для А.П. Павлова выявление «восточных сюжетов» в биографиях высшей московской знати не являлось специальной задачей, но, несмотря на это, ему удалось выявить и показать их положение в структуре Государева двора.

Александр Виноградов: Думные и комнатные люди царя Михаила Романова в дипломатических «ссылках» Российского государства с Крымским ханством

Alexander Vinogradov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Duma and room people of Tsar Mikhail Romanov in diplomatic contacts of the Russian state with the Crimean khanate

DOI: 10.31857/S086956870010782-1

Проблема роли правящей элиты Российского государства в преодолении политического кризиса Смутного времени, обозначенная А.П. Павловым как главная задача его исследования, предполагает рассмотрение участия её представителей в осуществлении дипломатических контактов. Выход из тяжелейшей внешнеполитической ситуации, в которой оказалось правительство царя Михаила Фёдоровича, потребовал привлечения к дипломатической деятельности наиболее компетентных представителей формирующегося двора нового

²⁴ Беляков А.В. Чингисиды в России XV—XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 109—110.

²⁵ РГАДА, ф. 127, оп. 2, д. 32, л. 36.